Анастасия Соловьева

Амадей 97/N1 культура

Те, Кто

Петр Фадеев

о Том, Кто

Немногим более года назад на канале «ТВ-6 Москва» дебютировала программа «Те Кто». На мой взгляд, со стороны руководства канала это был рискованный шаг: «свято» место в жанре ток-шоу на ТВ как ему и положено, не пустовало.

Достаточно упомянуть такие программы, как «Час пик», «Тема», «Мы», «Герой дня», «Если», «Взгляд», «Человек в маске», «Пресс-клуб», «Один на один». При этом все упоминутые программы выходили (и выходят) под флагом телемостра — ОРТ (исключая «Человека...» и «Героя...», принадлежащих НТВ), чьи передачи прочно занимают пять-шесть верхних строчек различных телерейтингов (котором, впрочем, я не очень доверяю). Что это значит? А вот что: туши свет, но «кина», возможно, и не будет — уж больно сильны конкуренты. Да и сама структура передачи лишь наполовину оправдывала свою принадлежность к заявленному жанру: «ток-то был (talk — беседа, англ.), а вот к «шоу» она явно не имела никакого отношения. А ее динамика и атмосфера напоминали доброе старое ленинградское ТВ конца 60-х.

Впервые случайно наткнувшись на нее, я даже подумал, что это — программа «Знак качества» — та, где кто может говорит о том, что умеет и хочет, чтобы его за это взяли на работу. Прошло немало времени, и как-то, переключляя каналы, я увидел на экране Евгения Евтушенко. Не бродившим по собственной даче, а в непривычном для него интерьере. Меня заинтересовало, где это он? А когда камера перешла на ведущих, я удивился еще больше. Это были те самые, из «Знака качества», девушка и парень. «Так быстро их бы не взяли на работу, да еще на ТВ!» «Сев» на телефон, я уже через полчаса узнал название передачи и имена ведущих: «Те, Кто», Анастасия Соловьева и Петр Фадеев. Я увидел одну, вторую, пятую, десятую передачи... И чем больше с их смотрел, тем больше они мне нравились.

Во-первых, потому, что те, кто появлялся в программе, полностью соответствовали ее определению-названию, это были действительно «те, кто»: Евтушенко и Аксен, Ерофеев и Жириновский, Мокеев (Игорь) и Лева, Дементьев и Шилов, Гусман и Жиганов, Охлобыстин и Таранда, Говорухин и Лазарев, Рудинштейн и Германова, Джигарханян и Гиеушев, Сукачев и Юрский, Арабов и Коренева, Лазуткин и Шабанов, Абдулов и Явлинский... В этом списке на сегодня — более 200 имен.

Во-вторых, меня безоговорочно покорили ведущие, «ребята из «Знака качества», качеством (без всяких кавычек) и профессионализмом своей работы. А еще — интеллигентностью. (Я понимаю, что по своей сути, задачам и прочая, и прочая между их передачей и, скажем, «Полем чудес» — дистанция огромного размера. Такая же, как между их манерой вести передачу и хамовато-пошловатой у Якубовича). А еще — добротой по отношению к собеседнику. А еще — желанием именно его, гостя, показать зрителю, причем по возможности полней и объективней, а отнюдь не себя, не постебаться, проявив свою «потрясающую осведомленность» в личных проблемах «жертвы», которая (осведомленность) может иметь место разве что после подглядывания в замочную скважину и подслушивания под кроватью. (Как в известной программе того же б-то канала, название которой я бы дополнил: «Акулы пера. За гранью добра». Впрочем, и здесь название точное — кто слышал о добрых акулах? И все же, и все же...)

Конечно же, мне захотелось не только самому узнать о Насте и Пете (я уже их мысленно называл так) побольше, но и рассказать о них тем, кто еще, может быть, не присмотрелся к этой программе.

Как только я «отпейджерил» Насте , она тут же отозвалась и, не ломаясь и не жеманничая, согласилась, за себя и Петю, на встречу. Это уже мне понравилось. (Незадолго до этого интервью наша редакция неоднократно договаривалась о встрече с Валерием Меладзе. Он столько же раз обещал, но в последний момент «прокатил» нас. Но это так. К слову. Об интеллигентности и профессионализме.)

Вот с вопроса о профессионализме я и начал наш с Настей разговор. Петя запаздывал. Было ясно, что в Настиных с Петей дела (они — однодетки, на двоих им —48 лет) набрался профессионализма без соответствующей подготовки было невозможно. Так и оказалось. Настя в 94 году закончила отделение тележурналистики МГУ, а Петр в 95-м — отделение международной журналистики историко-филологического факультета университета с застойно-ностальгическим названием — Дружбы народов, некогда поставлявшего революционную молодежь в страны «третьего мира», а ныне — крупного поставщика наркотиков на московский рынок. Но журналистов (в том числе и теле-) ежегодно выпускают десятками, однако на ТВ попадают единицы, не говоря уже о том, чтобы попасть в «десятку» — стать ведущим.

«Амадей»: *Кто же вам наворожил, ребята?*

Настя: Когда-то, давным-давно, я удосужилась поработать с Иваном Ивановичем Демидовым (ныне — директор канала «ТВ-6 Москва» — *АШ*) — мне была оказана честь ненадолго попасть в ВИДовский клан. А было это, когда я училась на втором курсе журфака. Так что в самом факте моей работы на ТВ случайности нет. ВИД тогда пытался создать программу «13-31», которую они сами называли «площадкой молодняка» и которая, как им представлялось, заменит «Взгляд», и где устами нового поколения будут подниматься и обсуждаться новые проблемы и тому подобное. Хотя программа просуществовала недолго, она была очень хорошей школой для всех нас, тех, кто буквально впервые увидел телекамеру, брал в руки видеокассету, впервые садился ее монтировать. А нашими учителями тогда были Андрей Разбаш, Александр Любимов, Влад Листьев, Александр Политковский и Иван Демидов. Нам, можно сказать, посчастливилось работать с ними. Они принимали самое заинтересованное участие в работе каждого из нас, вплоть до монтажа сюжетов, сборки программ и так далее.

И вот Демидов (у него, похоже, — феноменальная память) как-то увидел меня уже спустя долгое время, когда я пришла работать на 6-й канал обычным редактором к Виктору Ивановичу Мережко — меня очень интересовало кино и хотелось поработать с профессионалами в этой области. (Интересно, что там же работала редактором Юлия Меньшова. Через некоторое время Юля стала ведущей программы «Я сама», а через полгода подсмотрела ее в стаде ведущей «Тех Кто». У Ивана Ивановича — зоркий глаз). А надо сказать, что во время работы в «13-31» я ничем не выделялась: кофе, например, на его брюки не пролила, не мелла от его присутствия...

А.: *Может быть, именно поэтому он вас и запомнил?*

Н.: ...так или иначе, он, вероятно, меня вспомнил и предложил работать ведущей этой программы. А я как-то не придала его словам должного значения. Вскоре он опять позвал меня в останкинском коридоре и спросил: «Ну что, будешь работать?» Я опять не приняла это всерьез, но ответила:«Конечно же, буду!» Судьба еще раз столкнула меня с ним, и он опять спросил: «Ну, в конце-то концов, ты собираешься работать или нет?!» А я:«Вы это серьезно?» Он:«Конечно!»

«Те Кто» — это его проект, его идея. А мы с Петей — исполнители. Конечно, мы выдвигали и выдвигаем какие-то свои предложения. Название придумал сам Иван. От названия пошел и весь стиль программы.

А вот уже Петю Фадеева мне пришлось искать самой. Иван Иванович дал мне карт-бланш: «Ищи себе партнера». И я его нашла.

А.: *Где? Случайно встретили в останкинском коридоре?*

Н.: Нет. Вообще-то, мне кажется, случайностей не бывает. Хотя до этого я его видела всего один раз на пробах у Дмитрия Диброва (ныне — генеральный продюсер компании «Свежий ветер» — А.Ш.) на ведущего программы, где я тоже пробовалась. Ни он, ни я ведущими не стали...

А.: *Не подошли?*

Н.: Нет, просто не стали. Но хорошие отношения с Дмитрием Александровичем у нас (обоих) сохранились. Короче, я запомнила Петю по этим пробам. Он так отличался от всех остальных.

А.: *Чем?*

Н.: Он совсем не старался понравиться, вот, что важно. То есть может он и хотел понравиться (иначе бы, наверное, и не стал пробоваться) но это было для него не главным мотивом.

А.: *А как вы думаете, почему?*

Н.: Потому что Петр — самодостаточный человек и не нуждается в том, чтобы активно нравиться, эбсолютно. И мне это его чувство собственного достоинства импонировало. Вместе с тем он вел себя легко, непринужденно, импровизировал, удачно шутил. И я поняла, что если (даже в прямом эфире) возникнет какая-то неприятная ситуация, то этот человек вырулит. Кроме того, мне уже тогда стало ясно, что это — личность. Ведь ситуация была, в общем-то, экстремальная: предлагается хорошее место, хорошие деньги, перспективы, работа с Дибровым. А он на все это реагировал достаточно спокойно: ну, не на этот раз, так на следующий что-нибудь получится.

И вот я ему звоню, а он не может вспомнить, кто я, что я, и так далее. К тому времени он уже успел поработать у Марка Анатольевича Захарова в «Киносерпантине», у Галины Валентиновны Скоробогатовой и еще сделал какую-то программу о кино. Вот, кажется, и все. Но это я уже узнала позже, тогда меня это все не интересовало. А когда я ему позвонила, он по-обломовски пролеживал дни на диване, — в тот момент у него не было работы (как он признался позже). Может быть, поэтому он с горя согласился. А дальше ему просто уже некуда было деваться в познакомила его с Демидовым, и, сказанем «2», ему невозможно было не сказать «б» — от таких предложений не отказываются.

А.: *Долго готовили первый выход в эфир?*

Н.: После того, как мы начали работать вместе (это было зимой 1995 года), мы еще с полгода мучились: эфир все время откладывали. Ты говорили, что программа выйдет в мае. Потом переносили на июнь, и так далее. Ну, и слава Богу, потому что внутренне мы все же были не готовы. Не знаю, может быть, Иван Иванович это чувствовал. Хотя, с другой стороны, мы, как вчерашние студенты, готовы были «сдавать экзамен», скажите только, когда.

Появляется Петр. «Ой, Пе-ется!» — восклицает Настя, и видно, как искренне она рада его приходу. «Ага!» — подумал я. Петя дарит Насте мягкого сине-голубого резиново-поролонового рождественского не то тролля, не то колобка, от чего Настя просто тает. «Ага!» — думаю я еще раз.

А.: *Петр, включайтесь, вопрос-то к вам тоже. Вот Настя сказала о том, что вы оба попали на ТВ после вузов. Ну, закончили вузы и что, сразу нашли себя, или где-то болтались, не зная, что делать?*

Петр: Я болтался уже на 1-м курсе и доболтался до ТВ. А начинал с газет и журналов, тогда, во времена учебы, новомодные: «Столица», «Дом кино»...

Н.: Петя с каждым разом раскрывается все больше. Сперва он мне говорил, что все пять лет учебы вообще ничем не занимался...

П.: Нет, я ничего не делал год два, а три — делал кое-что. А потом уже деваться было некуда. Надо было идти на ТВ.

А.: *Что значит, «надо было»?*

П.: А мы все просто зомбированы телевидением. Попал-то я на ТВ почти случайно, но мои телевизионная начальница, Галина Валентиновна Скоробогатова, сказала, что если ты попал на ТВ, то ты «попал», в смысле попался. И я действительно попал. Газет и журналов для меня уже не существует, я, наверное, и писать уже разучился. Сделаю кучу ошибок (хотя имел «5» по русскому в свое время). И почерка, как такового, у меня уже не существует. Я пишу, может быть, раз в полгода сценарии каких-то

специальных программ, одну странничу. И на этом все заканчивается.

Н.: У меня никогда не было четкой, определенной цели, где я буду работать: в газете ли, журнале. На ТВ же я оказалась только потому, что в свое время подруга привела меня в группу ТВ-журналистики за руку и заставила пройти какой-то там конкурс. На журфаке я оказалась тоже только потому, что не смогла бы поступить на факультет психологии: там надо сдавать математику, а мне было слабо. Что оставалось делать? Но я все равно стала большим психологом (Смеется.) Психологом-практиком. Дальше — работа редактора в программе «Мужчины и женщины» у Киры Александровны Прошутинской, до этого — в молодежной программе «100 градусов по Цельсию». В общем, тусовалась, мне было интересно делать то, что мне нравилось. Я пользовалась тем, что мне не нужно было удрученно размыкивать жилплощадь в Москве, будь я из провинции, или заботиться о чем-то подобном. Поэтому я занималась, в основном, так сказать, самовыражением. Денег получала немного, зато удовольствия — по полной программе.

А.: *Оставимте бодавшки папа с мамой?*

Н.: Нет, нет. Лет с 18 я уже содержала себя сама, и еще даже им давала. Немного правда, на булавки, но все же.

А.: *А кто ваши родители?*

Н.: Папа — физик, мама — математик. И, естественно, когда все это грянуло, они оказались без работы.

А.: *...поскольку кончались и физика, и математика.*

Н.: Они попали жертвами той самой перестройки, которую так хотели.

П.: Да. А я — наоборот. Взросшее на ее ниве чудовище. (Смеется.)

П.: (Шутливо-глубокомысленно.) Революция пожирает своих детей...

А.: *А как, Петр, обстояло с вашими родителями?*

П.: Мои папа с мамой — служащие, то есть из более хитроголов населения, исжели ученые, инженеры и им подобные. А значит, не жертвенная часть общества. А чиновники, как известно, нужны всем и во все времена. Вот они и служили. И сейчас служат. Папа — в банке, мама — в гостинице, там же, где и раньше.

А.: *И что же за гостиница?*

П.: «Президент-отель».

А.: *Да, это, конечно, не «Золотой колос».*

П.: Ну, как Настя, не могу похвастаться тем, что материально помогал своим родителям. Конечно, по поводам дарил какие-то подарки. Считаю это своей недоработкой и стараюсь сейчас что-то делать. Но знаки внимания ему, наверное, приятны. Как и маме. Сейчас, когда с каждым годом становишься взрослее, понимаешь, что когда в детстве или позже ссорился с родителями из-за того, что казалось важнее мира между ними, то ошибался. Сейчас осознаешь, что родители и друзья — это самое главное в жизни, как это ни банально звучит.

Н.: И я тоже хочу сказать, что мне с родителями у меня есть хорошего, я обязана маме. Это не преувеличение, это констатация факта. Она пестовала во мне какие-то зачатки моих способностей, которые я сама, если честно, не замечала. Она меня заставляла участвовать во всяких литературных олимпиадах, конкурсах-мюнкоргсах, чтобы я к этому привыкла. То есть она меня готовила «к великому будущему». Несмотря на то, что мама математик, она — прирожденный гуманитарий. И очень интеллигентный человек. Даже слишком. Немножко хитрости ей бы не помешало.

А.: *А что такое «слишком интеллигентный» человек?*

Н.: Ну, знаете, придерживающийся толстовского принципа «непротивления злу насилием». Из тех, кто предпочитает вообще уклониться от борьбы, нежели где-то схитрить, не говоря уж о том, чтобы сподличать. Хотя, в общем-то, это великий принцип.

П.: Главное, по-моему, это то, что она водила тебя на «мюнкоргсах».

Н.: Да. А еще она мне доказала, что всего можно добиться собственным трудом. Перед вами — живой пример, то есть я.

П.: Я тоже очень многим обязан маме.

А.: *Значит, вы оба всего добились сами?*

П.: Да. Хотя, конечно, есть некие генетические коктейли, среда, обстоятельства. И, конечно, такое желание сделать или не сделать что-то имеет очень важное значение. И все же особая мои благодарность — маме. Всю сознательную жизнь я прожил только с ней (они с папой развелись, хотя это не означает, что я его не люблю), и основная часть забот по моему воспитанию лежала на ее плечах, за что я маме очень благодарен и признателен.

А.: *А вы, Настя, почему тоже говорите только о маме?*

Н.: Мои родители тоже развелись. Сложно говорить об отце, он тоже приложил руку к моему воспитанию, но мы с ним не особенно как виделись.

П.: Мы — типичные дети рождения 70-х. Волна разводов захватила и наших родителей. В моем классе чуть не половина учеников жила так называемых неполных семьях, то есть почти исключительно только с матерями.

А.: *Давайте все же вернемся к нашей передаче. Мне она очень нравится и, может быть, не столько она (хотя и она тоже), сколько вы вместе, в какой же вы ведете, ваши личности, ты естественность, которая, к сожалению, совсем не часто встречается сейчас вообще, и на ТВ, в частности...*

Н.: Не вот, наконец-то мы встретили хотя бы одного нашего поклонника...

А.: *Именно поэтому мне захотелось рассказать нашим читателям о вас. И здесь избежать «лежучих вопросов» не всегда удается, хотя Настя сразу предупредила, чтобы я не спрашивал в том-то и того-то: вы надеюсь отвечать на один и то же вопрос. А я все же спрошу: в чем секрет вашей естественности?*

П.: Все очень просто: мы пока не умеем быть неестественными. На самом деле, это бо-ольшая наука. Это достигается годами и годами упражнений.

А.: *Быть неестественным — наука?*

П.: Конечно! Быть естественно неестественным, то есть настолько естественно быть кем-то другим, чтобы тебе поверили, что ты именно такой и есть. Для работника это профессия это великое дело. Мы-то тоже пытаемся быть неестественными, но не всегда, видимо, удачно. Я бы, например, не хотел, чтобы обо мне (как телевизионщике) до самой моей смерти говорили: «Он такой естественный!»

П.: Да и нас спазнивает дело, от которого мы, используя эту хорошую терминологию, «мнеем». И каждый из нас понимает, что если станет в пору и хлопнет дверью, это будет не банальный развод семьи, но дела, за которым стоят еще люди, их карьеры. А это все серьезно.

Н.: И потом, мы распределили роли, как в хорошей семье: кому выносить ведро, а кому мести квартиру. И два интеллигентных человека ни при каких обстоятельствах не будут спорить из-за такой ерунды.

А.: *Вы знаете, когда зритель смотрит, к примеру, фигурное катание, парное, он думает: «Интересно, а как там у них на самом деле?» Хотя Петя уже почти ответил на этот вопрос, сказал, что вы встречаетесь почти каждый день, все равно ведь у каждого из вас есть личная жизнь, я бы даже сказал, частная. Пересекаются ли они в каких-то точках у вас?*

Н.: Во-первых, мы, как два здравомыслящих человека, понимаем подсознательно (мы никогда этого не обсуждали), что стоит нам завести служебный роман или давать просто какие-то поугги на флирт, то все это очень печально кончится. И примеров этому — несть числа.

П.: И потом, как уже сказала Настя, мы настолько одинаковы, что вряд ли сумеем понравиться друг другу до такой степени, чтобы завести роман.

вообще зажимаюсь и молчу. И та ситуация, в которой я неестественна, для меня чужая, и я просто не вижу.

А.: *Я с Настей согласен, и веду себя в схожей обстановке так же, как она.*

П.: Я вообще очень многим обязан маме.

А.: *Значит, вы оба всего добились сами?*

П.: Да. Хотя, конечно, есть некие генетические коктейли, среда, обстоятельства. И, конечно, такое желание сделать или не сделать что-то имеет очень важное значение. И все же особая моя благодарность — маме. Всю сознательную жизнь я прожил только с ней (они с папой развелись, хотя это не означает, что я его не люблю), и основная часть забот по моему воспитанию лежала на ее плечах, за что я маме очень благодарен и признателен.

А.: *А вы, Настя, почему тоже говорите только о маме?*

Н.: Мои родители тоже развелись. Сложно говорить об отце, он тоже приложил руку к моему воспитанию, но мы с ним не особенно как виделись.

П.: Мы — типичные дети рождения 70-х. Волна разводов захватила и наших родителей. В моем классе чуть не половина учеников жила так называемых неполных семьях, то есть почти исключительно только с матерями.

А.: *Давайте все же вернемся к нашей передаче. Мне она очень нравится и, может быть, не столько она (хотя и она тоже), сколько вы вместе, в какой же вы ведете, ваши личности, ты естественность, которая, к сожалению, совсем не часто встречается сейчас вообще, и на ТВ, в частности...*

Н.: Не вот, наконец-то мы встретили хотя бы одного нашего поклонника...

А.: *Именно поэтому мне захотелось рассказать нашим читателям о вас. И здесь избежать «лежучих вопросов» не всегда удается, хотя Настя сразу предупредила, чтобы я не спрашивал в том-то и того-то: вы надеюсь отвечать на один и то же вопрос. А я все же спрошу: в чем секрет вашей естественности?*

П.: Все очень просто: мы пока не умеем быть неестественными. На самом деле, это бо-ольшая наука. Это достигается годами и годами упражнений.

А.: *Быть неестественным — наука?*

П.: Конечно! Быть естественно неестественным, то есть настолько естественно быть кем-то другим, чтобы тебе поверили, что ты именно такой и есть. Для работника это профессия это великое дело. Мы-то тоже пытаемся быть неестественными, но не всегда, видимо, удачно. Я бы, например, не хотел, чтобы обо мне (как телевизионщике) до самой моей смерти говорили: «Он такой естественный!»

П.: Да и нас спазнивает дело, от которого мы, используя эту хорошую терминологию, «мнеем». И каждый из нас понимает, что если станет в пору и хлопнет дверью, это будет не банальный развод семьи, но дела, за которым стоят еще люди, их карьеры. А это все серьезно.

Н.: И потом, мы распределили роли, как в хорошей семье: кому выносить ведро, а кому мести квартиру. И два интеллигентных человека ни при каких обстоятельствах не будут спорить из-за такой ерунды.

А.: *Вы знаете, когда зритель смотрит, к примеру, фигурное катание, парное, он думает: «Интересно, а как там у них на самом деле?» Хотя Петя уже почти ответил на этот вопрос, сказал, что вы встречаетесь почти каждый день, все равно ведь у каждого из вас есть личная жизнь, я бы даже сказал, частная. Пересекаются ли они в каких-то точках у вас?*

Н.: Во-первых, мы, как два здравомыслящих человека, понимаем подсознательно (мы никогда этого не обсуждали), что стоит нам завести служебный роман или давать просто какие-то поугги на флирт, то все это очень печально кончится. И примеров этому — несть числа.

П.: И потом, как уже сказала Настя, мы настолько одинаковы, что вряд ли сумеем понравиться друг другу до такой степени, чтобы завести роман.

А.: *А кто вам советует, во что одеться для эфира?*

П.: Наш внутренний голос.

А.: *И только? Наверное свою одежду?*

П.: Иногда надеваем одежду из какого-нибудь магазина, тогда в уголке экрана появляется плашечка с его названием. Но чаще всего — в своем.

Н.: Сейчас с нами работает достаточно известный модельер Сергей Чепурин. Он уже подыскал нам дорогие бутики. У нас и студия сейчас будет меняться: появятся новые декорации, более стильные и дорогие. В общем, растем.

П.: Конечно, приятнее смотреть на хорошо одетого и причесанного ведущего.

Н.: Мы, конечно, сведем за собой. Возьмем в принцип...

П.: ...стричь ногти, хотя бы перед эфиром...

Н.: (Смеется.) ...чистить зубы. За день до эфира мы не ходим никуда в гости, не тусуемся...

А.: *А вообще, тусуетесь?*

Н.: А как же без этого? Хотя я — достаточно редко.

П.: Я не люблю слова «тусовка». Предпочитаю называть это «социальными обязательствами».

Н.: Ты что, хочешь сказать, что ты не любишь бывать на людях?

П.: Нет, я очень общительный человек и мне, не скрою, нравится появляться на людях. Более того, именно из человеческих контактов во многом и состоит мои работа.

Н.: Петя — это министерство наших внешних сношений. Если бы его не было, я не представляю, как бы существовала наша программа.

А.: *А вы вдвоем выходите в свет?*

Н.: Как правило, нет. Я очень благодарна Пете, что он это делает, иначе мне приходилось бы заниматься этим гораздо чаще и по такой необходимости: внешние-то связи надо поддерживать.

П.: Мне кажется, что нам лучше появляться порознь, потому что когда мы где-то бываем вдвоем, это напоминает какой-то эгтрагицизм смотрите, они, оказывается, и ходят вместе! И программу ведут! И живут вместе, и ходят в магазин! В метро ездят вместе! Это было бы смешно. Как если бы вместе ходили...

А.: *Кириллов и Леонтьева, не в возрасте ведь дело, так?*

П.: Вот-вот, абсолютно точно. Восприятие было бы такое же.

А.: *Ну и, бывая где-то порознь, вы охватываете «большие площадей».*

П.: Да, ковровое бомбометание.

А.: *А вы оба живете с мамами?*

Н.: Нет. Я и Настя иногда живем с мамами, но, в принципе, каждый из нас живет своей жизнью, в своих квартирах. Это к вопросу, кто с кем живет. У меня есть своя квартира.

А.: *А я живу с мамой. Мне очень нравится с ней жить. Когда-то, в качестве юношеского бунта, я попробовала жить одна, снимала квартиру в Сокольниках, испытывая бытовые и прочие неудобства, и... случая по мне. Но в конце концов я к ней вернулась, и прекрасно себя чувствую.*

А.: *Традиционный вопрос: как у вас обстоят дела с кошечками, собачками, попугаями и иной живностью?*

Н.: Я одна выполняю наш с Петей норматив, в частности, по кошкам. Как Петя за меня общается, так я за него дружу с животными. У меня — пудель...

А.: *Большой?*

Н.: Средний. Может быть, он когда-нибудь и станет большим. Я уже 10 лет жду и иногда его поглаживаю. А еще у меня две породистые кошки, вернее, кот и кошка, персидские шиншиллы. Живут, вопреки поговорке, очень дружно с щуделем.

А.: *А куда хотим деваете?*

Н.: Топим.

А.: *?*

П.: Скармливают пуделю.

А.: *Как вам советуют, во что одеться для эфира?*

П.: Наш внутренний голос.

А.: *И только? Наверное свою одежду?*

П.: Иногда надеваем одежду из какого-нибудь магазина, тогда в уголке экрана появляется плашечка с его названием. Но чаще всего — в своем.

Н.: Сейчас с нами работает достаточно известный модельер Сергей Чепурин. Он уже подыскал нам дорогие бутики. У нас и студия сейчас будет меняться: появятся новые декорации, более стильные и дорогие. В общем, растем.

П.: Конечно, приятнее смотреть на хорошо одетого и причесанного ведущего.

Н.: Мы, конечно, сведем за собой. Возьмем в принцип...

П.: ...стричь ногти, хотя бы перед эфиром...

Н.: (Смеется.) ...чистить зубы. За день до эфира мы не ходим никуда в гости, не тусуемся...

А.: *А вообще, тусуетесь?*

Н.: А как же без этого? Хотя я — достаточно редко.

П.: Я не люблю слова «тусовка». Предпочитаю называть это «социальными обязательствами».

Н.: Ты что, хочешь сказать, что ты не любишь бывать на людях?

П.: Нет, я очень общительный человек и мне, не скрою, нравится появляться на людях. Более того, именно из человеческих контактов во многом и состоит мои работа.

Н.: Петя — это министерство наших внешних сношений. Если бы его не было, я не представляю, как бы существовала наша программа.

А.: *А вы вдвоем выходите в свет?*

Н.: Как правило, нет. Я очень благодарна Пете, что он это делает, иначе мне приходилось бы заниматься этим гораздо чаще и по такой необходимости: внешние-то связи надо поддерживать.

П.: Мне кажется, что нам лучше появляться порознь, потому что когда мы где-то бываем вдвоем, это напоминает какой-то эгтрагицизм смотрите, они, оказывается, и ходят вместе! И программу ведут! И живут вместе, и ходят в магазин! В метро ездят вместе! Это было бы смешно. Как если бы вместе ходили...

А.: *Кириллов и Леонтьева, не в возрасте ведь дело, так?*

П.: Вот-вот, абсолютно точно. Восприятие было бы такое же.

А.: *Ну и, бывая где-то порознь, вы охватываете «большие площадей».*

П.: Да, ковровое бомбометание.

А.: *А вы оба живете с мамами?*

Н.: Нет. Я и Настя иногда живем с мамами, но, в принципе, каждый из нас живет своей жизнью, в своих квартирах. Это к вопросу, кто с кем живет. У меня есть своя квартира.

А.: *А я живу с мамой. Мне очень нравится с ней жить. Когда-то, в качестве юношеского бунта, я попробовала жить одна, снимала квартиру в Сокольниках, испытывая бытовые и прочие неудобства, и... случая по мне. Но в конце концов я к ней вернулась, и прекрасно себя чувствую.*

А.: *Традиционный вопрос: как у вас обстоят дела с кошечками, собачками, попугаями и иной живностью?*

Н.: Я одна выполняю наш с Петей норматив, в частности, по кошкам. Как Петя за меня общается, так я за него дружу с животными. У меня — пудель...

А.: *Большой?*

Н.: Средний. Может быть, он когда-нибудь и станет большим. Я уже 10 лет жду и иногда его поглаживаю. А еще у меня две породистые кошки, вернее, кот и кошка, персидские шиншиллы. Живут, вопреки поговорке, очень дружно с щуделем.

А.: *А куда хотим деваете?*

Н.: Топим.

А.: *?*

П.: Скармливают пуделю.

Но на самом деле, раздаем друзьям. А когда-то даже продавали, когда с деньгами было туго.

А.: *Когда вы попали на телевидение, что вами двигало: желание появиться на экране, быстро стать известными (хотя бы в лицо) всей стране? Было?*

П.: Да. И не верьте тому, кто говорит «Нет, я пришел на телевидение, чтобы побороться с интересными людьми» (хотя и поэтому тоже).

А.: *Здоровое тщеславие, которое всех движет?*

П.: Да, конечно.

Н.: Я, конечно, не стану отрицать, что у меня тоже было это желание и соответствующие амбиции, но я никогда ничего не делала для того, чтобы они воплотились в жизнь.

П.: Кстати говоря, я — тоже.

Н.: Самое забавное в том, что все происходило само собой.

А.: *Что, как у Обломова? Хорошо бы... И — вот оно!*

Н.: Нет, не то, что ничего не делаешь, но это было как бы побочным результатом моей деятельности.

П.: Условно говоря, сумма твоих усилий за кадром переросла в нечто в кадре, хотя не было этакой изначальной задачи попасть в кадр. Когда я говорю о том, что много двигало, в-числе прочего, и желание быть известным, тщеславие, — так оно и есть. Но это никогда не доминировало.

Н.: На самом деле, это желание самовыражаться. Конечно, у меня иногда возникало понимание того, что вот сперва делает на экране то-то и то-то, а, мол, могла бы сделать это лучше или совсем по-другому. Но я никогда ни к кому не приходила и не говорила: «Возьмите меня вместо него» в тому подобное. И никогда не чувствовала себя обделенной, не имея этого положения в кадре. И вдруг тебе начинают это предлагать.

Сначала мне это предложил Дибров, за что я ему очень благодарна, так как он всеяня в мень хоть какую-то уверенность в том, что я кому-то нужна в кадре. Но это было совсем не вовремя. Я то-ак комплексила! «Это какая-то ошибка; эта истерия не обо мне, Диброву померещилось». Потом последовало предложение от Демидова. Это окончательно меня добило, и я подумала: «А может, это действительно кому-нибудь нужно, если спос ихстолько времяпрет предложение?»

А.: *А что бы вы хотели прочесть о себе в журнале?*

Н.: Можно, я скажу? А то я сидела одною журналистку, а она не напечатала. А именно: о причине, по которой я не здоровалась долгое время с большим начальником Андреем Разбашем.

П.: Ты просто боялась.

Н.: Я просто стеснялась. Он так велик и могуч!

А.: *Настя, добавлю еще несколько штрихов к вашей биографии. Кто-то вам помог очутиться здесь?*

Н.: Я родилась в 1972 году в Зеленограде. Далее, как у всех: окутябренок, пионерка, комсомолка. В 1989 году я поступила на журфак. Хочу еще раз развеять миф, что там учились сплошь какие-то блатные или денежные студенты. Конечно, это было не то, что у Пети — элитарный факультет в элитарном Университете Дружбы народов. Я Зеленоград было так — или ведень в Московский институт электронной техники (зеленая дорога для любого количества юных зеленоградцев), или берешь репетиторов для поступления еще куда-то. Я репетиторов не брала, поступила с первого раза, пять лет училась. За это время жизни пре-подавателя делали все, чтобы нас куда-то пристроить: устраивали нам практику в ТВ-программе «Вести», газете «Коммерсантъ». Я трудных путей не искала, шла туда, куда меня вели. Но все же шла и по своей дороже. В «Вестях» мне не понравилось, я отпрашивалась в «Вид», потом — в «Новую студию», и, наконец, в 95-м оказалась на б-м канале, у Мережко, в программе «Мое кино».

А.: *Теперь ваша очередь, Петр.*

П.: в 1990-м я поступил в УДН. Годы учебы прошли ровно. Еще до поступления я начал работать в газетах и журналах, в частности, в «Столице», «Доме кино», даже пару раз опубликовался в «МК». В 1991 году, благодаря Галине Валентиновне Скоробогатовой, я пошел в программу «Киносерпантин», где проработал полгода. У меня так не было официальной должности, я ведь необязательно стрелочку (25—30 минут из двухсековой программы) о новом в мире видео и кино. Правда, передач с моим участием было 2—3, не больше. И то благодаря Галине Валентиновне и Марку Анатольевичу (Захарову — *АШ*). А потом программа закрыли, сразу после августа 91-го. Вообще, фаст (N/1) многое почеил в телевидении.

Тогда у меня возникла идея сделать собственную программу, и я, зеленый юнец, полгода ходил по начальникам, пробивал свою дурацкую программу о молодом кино. И стал пробил. Потом работал с американским телевидением (не самым центральным), были еще какие-то халтуры, но никакой постоянной и стабильной работы не было. Какое-то время плавал в потоке и иш, пробавлялась мелкими делишками и говорилами (все в рамках закона).

Н.: Кстати, если вам интересно о приработках. Я в 14 лет подвалила работать аниеевой в детский сад (бедные дети).

П.: Она забирала их утренних.

Н.: Я просто сломала им детство.

А.: *Сколько это продлилось?*

Н.: Несколько лет. Я могла работать только летом — я же училась в школе. Мне самой хотелось заработать деньги и самой их потратить — мама ничего мне давать не могла, у нее денег просто не было. На втором и третьем курсах я торговала газетами...

П.: ...лишная почтовые ящики соседей.

Н.: Не порочь мой имидж! Все было честно. Мне платили. Я вставала в 5—о утра, шла с подкрутой в метро и мы там кричали: «МК», «МК», покупайте «МК»! Мягкая бумага!» Частично мною двигала жажда жизни, отчасти — желание познать жизнь. И потом — только-только разрешили торговать на улицах, только-только начали вообще что-то разрешать. Приторговывала в даже «Гербалайфом». Это было в минуты денежного кризиса, когда в рублях, что нужна журналистике, как корове седло, и ж лучше торговать «Гербалайфом», чем заострить эфир своим зелеством.

А.: *Вас устраивает ти форма, в которой вы сейчас работаете, или вы, так сказать, носите в своем ранце маршальский жезл?*

Н.: Можно было бы, конечно, сменить «Adidas» на «Nike»; я об этом подумаю.

П.: Подписан контракт, и подписан. А там посмотрим.

А.: *У вас контрактная система?*

П.: Нет, это мы шутим по поводу формы, спортивной. Конечно, нас не устраивает то, что мы делаем, в том смысле, что можно делать программу лучше. Но это же в наших руках. А сдача программы и работа — устраивает, как и положение программы в эфирной сетке. Уж куда лучше: 22.0, вторник, среда, четверг.

Н.: А сам меня делае, с февраля мы будем меняться. У нас появятся телемосты, звонки зрителей и еще много дополнительных элементов. Программа усложняется по своей конструкции. И это будет дополнительным стимулом и для нас. Ведь часто бывает, что программа приедается, и ее надо все время развивать. А если она приелась ведущему, это сразу становится видно зрителю. Поэтому нам нужно помять момент чуть-чуть «то того».

А.: *На дворе — начало года. Что пожелаете нашим читателям в новом году?*

П.: Вашим читателям — не менять любимое издание. И агитировать «в пользу его» своих товарищей.

Н.: В год Быка все желают все взять его за рога, а я пожелаю быть всем, например, на коне!

А Петя ихеел по-английски, не попрощавшись...

Александр Шавердов

Фото: Владимир Клавихо

Коллекционная одежда Tal Zilcri' для съемок предоставлена бутиком 'Целуйс' (отель 'Радиссон-Славянская')